

A dark, foggy forest with gnarled trees and red liquid dripping from the top. The scene is eerie and atmospheric, with the trees appearing as dark silhouettes against a misty background. The red liquid, resembling blood, is dripping from the top edge of the frame, creating a sense of horror or suspense.

Последняя фотография

Михаил Самарский

Михаил Александрович Самарский

Последняя фотография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408929

SelfPub; 2018

Аннотация

Группа молодых людей, будучи студентами и отдыхая в лесу, стали свидетелями убийства егеря. Никто не помешал преступникам. Испугались все. После этого с каждым из них произошли в жизни страшные происшествия, они сами по разным причинам совершили преступления, связанные с убийством разных людей. Через несколько лет они снова отправляются в лес на пикник, и с ними начинают происходить невероятные события. Содержит нецензурную брань.

Антонине Селезнёвой посвящаю

Проблема не в том, как запомнить,
проблема – как забыть.

Анна Аркан

Вернуть ничего нельзя. Ничего нельзя
исправить. Иначе все мы были бы святыми.
Жизнь не имела в виду сделать нас совершенными.
Тому, кто совершенен, место в музее.

Эрих Мария Ремарк

1

Владимир Самойлов, офицер-спасатель, объявил, что три человека должны остаться в лесу. Он назвал себя и предложил определиться ещё двум мужчинам. Руку поднял Иван Литвинов. Увидев его с поднятой рукой, Мария Захарова, не раздумывая, тотчас последовала его примеру. Капитан, неодобрительно покачав головой, нахмурился и уточнил:

– Девушка, я попросил мужчин...

– Я без Ивана не полечу, – не дослушав капитана, – выпал

лила Мария.

– Уважаемая, здесь команду я! Так что...

– Извините, я у вас не работаю! – пожав плечами, снова перебила девушка. – Не надо мною командовать.

– Да поймите же вы, наконец, – капитан повысил голос, – у нас идёт спасательная операция, а вы задерживаете взлёт...

– Ничего я не задерживаю, – развела руками Мария, – взлетайте себе на здоровье. Зачем меня спасать? Я просто тут гуляю по лесу. То есть, мы гуляем! Правда, Вань?

– Мащ, – Иван подошёл к ней и взял её за плечи, – я прошу тебя...

– И не проси, я никуда без тебя не полечу, – отрезала Мария. – Всё!

Самойлов молча наблюдал за парой, затем вздохнул и укоризненным тоном произнёс:

– Для вас, барышня, это романтическое приключение, а для меня – ответственная работа. – Он несколько секунд пристально с суровым видом смотрел ей в глаза, затем мрачно спросил: – Девочка, ну, скажи, почему ты упираешься?

– Потому что это мой муж, – не задумываясь, ответила Мария. – Я люблю его и не хочу с ним расставаться вот в таких условиях, – она раскинула руки в стороны и подняла их к небу, словно ища там поддержки у какого-то невидимого хозяина леса. – Для меня это равносильно оставить близкого человека в беде. Вы это называете романтическим приключением? Тогда я вам сочувствую.

Капитан тяжело вздохнул и снова обратился к мужской части компании:

– Мужики! Так что решили-то?

Мужики молчали.

– Ребята, – закричал спасатель. – У нас такое правило. В первую очередь эвакуируем женщин и детей. Всегда! Это закон!

Ребята молчали.

– Да ну вас на хрен – махнул командир рукой и, обращаясь к пилоту, крикнул: – Серёга, давай, пошёл! Ждём тебя.

2

Вертолёт, вспугнув с поляны несметное количество жёлто-красных листьев, медленно оторвался от земли, на мгновение завис над деревьями, затем слегка накренился на правый борт и рванул в сторону мегаполиса, оставив в лесу двоих мужчин и молодую женщину. Впрочем, несмотря на то, что Марии недавно исполнилось двадцать семь лет, женщиной её можно было назвать с натяжкой. Она больше походила на девчонку-подростка: худенькая, маленького роста, неровно подстриженная чёлка, длинные ресницы, прямой нос, сочные алые губы и невероятно лучистые большие синие глаза. Казалось, погасни сейчас солнце, никто и не заметит, на поляне так и останется светло и солнечно.

Мария, приложив ладонь ко лбу и защищаясь от яркого

солнца, следила за «железным птеродактилем» (как обозвал вертолёт Иван), пока тот не превратился в крошечную серую точку, а потом и вовсе исчез за облаками.

– Упрямая ты, – покачал головой командир и, обращаясь к Ивану, добавил: – Береги её, такие бабы не предают.

Мария громко рассмеялась:

– Вас, товарищ командир, не поймёшь: то девушка, то прямо девочка, и вдруг баба.

– Да я о той бабе, которая и в избу горящую войдёт, и коня на скаку остановит, не обижайся, – улыбнулся капитан и спросил: – А что же у вас мужики такие хлипкие?

– Устали, наверное, – пожал плечами Иван.

– Устали? – усмехнулся офицер. – Ну, ладно, положим, что так. Пусть отдыхают.

– Не корите вы их, – сказал Иван, – страху они тут натерпелись...

Самойлов улыбнулся и с ехидцей спросил:

– А вы, стало быть, такие бесстрашные у нас?

– Да нет, – возразил Иван, – не в этом дело, но... да ладно, – махнул он рукой, – бог им судья.

– Хорошо, забыли, – согласился капитан.

– Товарищ капитан, у вас мобильник есть? – вдруг спросила Мария.

– Есть, как же без мобильника, – ответил Самойлов и полез в карман. – Своим хотите позвонить? – догадался он.

– Ну, да! – улыбнулась Мария. – Бедные, они там с ума,

наверное, сошли.

– Да им уже сообщили, не переживайте, – успокоил Самойлов и протянул трубку Марии, – но позвоните-позвоните, пусть голос услышат, это важно для них.

– Спасибо, – Мария взяла телефон и отошла в сторону.

– Выручили очень, – вернувшись через несколько минут, сказала Мария и повторила: – Большое спасибо. Слава Богу, всё хорошо, я так переживала за маму.

Самойлов, сунув трубку обратно в карман, резко сменил тему: – Ну, так что, герои, подкрепились, сил поднабрались, теперь по чайку, – то ли спросил, то ли предложил он.

– С удовольствием! – радостно воскликнула Мария, и, обернувшись к Ивану спросила: – Ваня, ты будешь чай?

– Да не откажусь! – ответил Литвинов.

– Костёр ваш совсем затух, собирайте сухие ветки, – капитан кивнул в сторону леса, – а я пока тут расставляю свои приспособления.

– Так мы его будем варить на костре? – удивилась девушка.

– Ну, зачем его варить? – рассмеялся Самойлов. – Вскипятим воду, да заварим...

– Я это и имела в виду, – закивала Мария, – просто я думала он у вас уже готовый, ну там, в термосе, например...

– Готовый ночью выпили, – сказал капитан и добавил: – кстати, давайте познакомимся. Меня Владимиром зовут, Владимир Самойлов. Со мной можно на «ты». Вас вроде как

уже слышал, но...

– Меня Маша, а это.., – она наклонила голову к парню.

– Иван! – опередил её молодой человек. – С нами тоже можно на «ты».

– Спасибо. То есть вы у нас Иван-да-Марья? – пошутил Самойлов.

– Выходит так, – кивнул Иван. – Между прочим, сколько раз слышал об этом цветке, а видеть не доводилось.

– Так тебе, брат, повезло, – Владимир похлопал парня по плечу и кивнул на поляну. – Вон они! Смотри, здесь всё имя усеяно. Они уже отцветают. Через пару недель отойдут. Так что пользуйся случаем.

– Ой, как здорово! – всплеснула ладонями девушка. – Я тоже их никогда не видела! Пойдём, рассмотрим поближе, – добавила она, и они, взявшись с Иваном за руки, быстрыми шагами направились к цветам. Через некоторое время Самойлов окликнул пару и напомнил им о сухих дровах:

– У меня всё готово! А вы всё цветы рассматриваете?

Через полчаса «лесники» вдыхали ароматный чай с какими-то совсем необыкновенными травяными добавками и с запахом дыма костра.

– Никогда не думала, что от простого чая можно получать такое удовольствие, – поёжилась Мария.

– Ну, уж совсем простым его трудно назвать, – поправил капитан, – здесь много чего полезного, кроме чая ещё трав, наверное, с пятнадцать будет. Кстати, тут и ваш тёзка при-

сутствует.

– Иван-да-Марья? – вздёрнула брови Мария.

– Ну, да, – кивнул Самойлов, – очень полезный цветок, раны лечит, в том числе и душевные.

– Шутите, – улыбнулась девушка.

– Нет, не шучу, – усмехнулся капитан, – я, конечно, не специалист, но слышал от стариков, что раньше марьянником – так ещё этот цветок называют – лечили болезни сердца. А для вас его полезность в другом...

– В смысле, для нас? – изумлённо спросила Мария.

– Ну, для женатых пар! – улыбнулся Владимир.

– Мы ещё не успели сходить в ЗАГС! – ответил Иван и подмигнул Марии, та прижалась к нему. – Просто живём вместе, но скоро исправимся.

– Какое это имеет значение? ЗАГС – это ведь чистая формальность. Как говорят, браки заключаются на небесах?

– Да, часто слышу эти слова, – подтвердила Мария и вдруг выдала: – На небесах-то на небесах, но в церкви нам сказали, что обвенчаться мы сможем только после регистрации брака в ЗАГСе. Не понимаю я этого...

– Ну, а что тут непонятного? – усмехнулся капитан. – Таковы современные правила.

– Чьи правила? – удивлённо спросил Иван. – Правила церкви?

– Конечно, – подтвердил Самойлов. – А в церкви... священник вам не объяснил, почему у них такие правила?

– Нет, просто сказали, что без Свидетельства о браке венчать не будут, я даже расстроился, – сказал Иван.

– Мы с женой после свадьбы прожили семь лет, а потом решили обвенчаться. Тоже Свидетельство о браке потребовали. Но нам священник подробно всё объяснил, и, вы знаете, я с ним согласился. В этом есть своя логика.

– Какая тут логика? – воскликнул Иван. – У нас церковь отсоединена от государства, при чём тут венчание и ЗАГС? Где вы тут логику обнаружили? Для нас с Машей, к примеру, не принципиально, надо так надо, пойдём да распишемся. Но, если люди хотят обвенчаться, но при этом, не желают идти в ЗАГС, что им делать, зачем их заставлять? Вполне резонно они говорят: для нас венчание важнее штампа в паспорте. Правильно?

– Нет, не правильно, меня именно это всегда и удивляло, – широко улыбнулся капитан, – так и хочется спросить: если для вас штамп в паспорте не имеет никакого значения, то почему вы не хотите признать правила церкви? Разве штамп в паспорте может повлиять на вашу любовь и отношения? Для вас же это чистая формальность.

– Очень любопытно, – произнёс Иван, – кто всё-таки эти правила придумал – церковь или государство?

– Это современные правила Русской Православной Церкви. Дело в том, как нам пояснил батюшка, церковь признает брак, оформленный в ЗАГСе, исходным моментом создания семьи. Это основной аргумент. Православная Церковь не от-

меняет и не нарушает государственных законов, а, наоборот, призывает своих чад проявлять сознательность, гражданское послушание и регистрировать брак в ЗАГСе. Тут всё просто и никаких хитростей нет. Государство делает своё дело, церковь – своё. А разногласия ни тому, ни другому не нужны. Да, и ещё один момент, с которым я не мог согласиться с батюшкой. В первую очередь это делается для того, чтобы убедиться в серьёзности намерений брачующихся. Согласитесь, регистрация брака государством предполагает некоторую долю ответственности и серьёзности людей по отношению к собственному намерению вступить в брак церковный.

– Да, может, это и правильно, – согласилась Мария. – Иван верно сказал: надо так надо. Давайте продолжим наш разговор о цветах, в смысле об их полезности. Я имею в виду наш цветок-тёзку.

– Хорошо, – согласился Самойлов, продолжим о цветах. Так вот, люди с давних пор цветы Иван-да-Марья наделяли особыми магическими свойствами. Собирали их на Ивана Купалу и верили, что они отводят от дома, от семьи всякую нечистую силу и помогают хранить между супругами хорошие отношения.

– Ничего себе! – восхищённо воскликнула Мария.

– А травы вы сами собираете? – спросил Иван.

– Редко, – ответил офицер, – в основном мой родитель любит это дело. Хотя и меня прирастил. У меня отец раньше в Сибири жил, давно ещё, в молодости. Так вот там он

научился и травы отличать, и в их свойствах разбираться. Не каждую ведь траву заваришь. Имею в виду просто для чая. Есть такие травы, которые можно заваривать или отваривать только с лечебной целью.

– А эти? – Иван приподнял кружку.

– А эти чисто витаминные, тонизирующие, и так, для аромата, они все здесь в малых дозах, – пояснил Владимир и спросил: – Вкусно?

– Очень, – хором ответили Иван и Мария.

Мария и вдруг неожиданно сменила тему: – Ужас! А мы медведя настоящего видели.

– А вы думаете, в лесу бывают ещё и ненастоящие медведи? – рассмеялся капитан. – Только вот впервые слышу, чтобы здесь медведи водились. Они очень опасные товарищи.

– Опасные, конечно, но медведя главное не раздражать и не провоцировать, – сказал Литвинов. – И всё будет хорошо.

– Есть опыт общения? – удивлённо спросил Самойлов.

– Есть! – кивнул Иван. – Три раза, если не считать последнего, то есть в этом лесу, случая. Один раз в Красноярском крае встретились на опушке, между нами расстояние было метров пятьдесят. Мы с отцом остановились, косолапый тоже. Наверное, минут пять изучал нас, развернулся и бегом в лес.

– Хитрый зверь, – покачал головой капитан, – понял, что вас двое, не стал рисковать.

– А два раза прямо нос к носу столкнулись, – Иван про-

пустил шутку капитана мимо ушей, – оба раза в малиннике. Но в малиннике медведь добрый, сытый. Ему бы на полянке поваляться, не до драки. В основном он в таких случаях первым убегает. Хотя начни ты убегать, может и погнаться – инстинкт добычлика сработает. Да и зачем убегать? Всё равно от него не убежишь, догонит. Так что, если он сразу не удрал, лучше стоять или покачиваться из стороны в сторону, вынудить его работать глазами, он быстро устанет и сам убежит.

– Хм, «стоять», – передразнил капитан, – чтобы стоять перед этой мясорубкой, нужно иметь железные..., – он покопился на Марию и продолжил: – ...нервы.

– Да, – подтвердил Иван, – суета и паника в этом случае ни к чему хорошему не приведут.

После лёгкого коллективного перекуса капитан, предварительно подкинув дров в костёр, прислонился к дереву и задремал. Иван да Марья решили не мешать спасателю, тихонько встали и, обнявшись, отправились на прогулку.

– Ребята, – крикнул им вслед капитан, – вы бы далеко не заходили, а то не ровен час, снова заблудитесь.

– Нет-нет, – заверила Мария, – мы здесь на поляне, в лесни шагу.

Гуляли Иван с Марией недолго. Подул холодный ветер, солнце внезапно спряталось за серую тучу, стало зябко и неудобно, они решили вернуться к костру.

– Замёрзли? – не открывая глаз, спросил Самойлов.

– Есть такое дело, – ответил Иван, протягивая ладони к костру, – как-то резко похолодало.

– Ну, а чего ты хотел, – хмыкнул Владимир, – осень на дворе. Вам ещё повезло, что заморозков не было. Погода последнюю неделю стояла относительно тёплая. Вы где ночевали-то? – вдруг спросил Самойлов.

– Здесь примерно в пятистах метрах от этой поляны, стоит заброшенный охотничий домик, – пояснил Иван, – такой весь перекошенный, скрипучий, но всё-таки крыша над головой, и даже стёкла там сохранились. Мы пытались печь разжечь, но не получилось...

– А что так? – спросил Самойлов.

– Она оказалась нерабочей, там у неё внутри всё обвалилось. Но выход нашли – возле избушки, метрах в десяти вырыли неглубокую яму и разожгли в ней костёр. Чтобы и погреться, и зверя, если придёт в гости, отпугнуть, ну и по очереди дежурили возле огня.

– Слушайте, – капитан дотянулся до котелка и плеснул в кружку ещё чая, – а как получилось, что вы так далеко забрели в глубь леса? Наливайте ещё, – предложил он и протянул котелок.

– Сглупили мы, – честно признался Иван. – Мы когда вошли в лес, у нас у всех разом погасли телефоны. А у Васьки Ковалёва был с собой планшет, и тоже внезапно сдох.

– Странно как-то, – покачал головой капитан и переспросил: – одновременно у всех?

– Ну, да, – подтвердил Иван.

– И что дальше?

– А что дальше, – усмехнулся Иван, – в этот момент нужно было развернуться и идти обратно, мы ещё и километра не прошли, слышали, гудки электричек.

– Видимо, приключений захотелось на свои... э... головы, – предположил Самойлов.

– Точно, – улыбаясь, закивал Иван, – и не только на головы. – Правда, мы никуда от тропинки далеко не отходили, а тут ещё мужик какой-то по дороге нам попался, мы приняли его за грибника. Думаем, фигня какая! Подумаешь, связи нет, погуляем, посидим, поужинаем на свежем воздухе, и – домой. Мы с собой винца взяли... девчонкам, а себе кой-чего покрепче...

– Ну! Посидели, поели, попили, или так хорошо посидели, что забыли, откуда пришли? – съязвил Самойлов.

– Нет, – ответил Иван, – мы все практически трезвые были. – Ну, так весёленькие.

– А как же заблудились? – удивлённо спросил капитан. – Или вы удалились от тропинки.

– Я сам до сих пор не могу понять, что случилось, – зацокал языком Литвинов. – Вот хоть убей, не могу понять и всё. Мы расположились справа от просеки, провели там примерно часа три-четыре. Играли в бадминтон, орали песни, ели, пили, иными словами, отдыхали на природе, как все люди.

– А от железнодорожной платформы вы далеко ушли, в

смысле, до привала?

– В том-то и дело, максимум три километра, ну, в крайнем случае, – махнул рукой Иван, – пусть четыре, пусть пять. Но разве это расстояние? Вечером засветло вышли на ту же просеку и, повернув налево, пошли к железной дороге. А куда нужно было поворачивать, если мы шли в лес и остановились справа от тропинки?

– Ну, конечно, налево, – согласился капитан и добавил: – если это была та тропинка, по которой вы пришли.

– Да та-та, – воскликнул Иван, – других там и не было.

– Хорошо, – сказал капитан, – и куда она вас привела «та» тропинка?

– Туда, – ухмыльнулся Литвинов, – куда Макар телят не гонял. Но самое главное, что мы поначалу слышали шум поездов. А пройдя почти два часа и не выйдя к железной дороге, переполошились. Стало смеркаться, небо заволкло облаками, ни звёзд тебе, ни ориентира, в общем, народ запаниковал... Выхода не было, причём и в прямом, и в переносном смысле, а потому приняли решение заночевать в лесу. Ну, а потом на следующий день стали и вовсе блукать...

– А питались чем?

– Черникой, брусникой, грибы варили. В это время в лесу не пожирешь, но и с голоду не помрёшь...

Неожиданно громко звякнул телефон, рука Ивана рефлекторно дёрнулась за трубкой, но тут он вспомнил, что его телефон выключен. Однако через мгновение, почувствовав на груди вибрацию трубки, он вынул свой телефон и раскрыл от удивления рот – телефон работал, как ни в чём не бывало.

– Мистика какая-то, – Иван пожал плечами. – Ни с того ни с сего включился... Зарядка восемьдесят процентов.

– Ну-ка, открой фотку, которую сделала на твой телефон Ирина при входе в лес? – попросила Мария.

Иван открыл фотогалерею. Фотография была на месте – вот он, улыбается во весь рот, за ним просека и вдоль неё яркие цветастые деревья, но...

– Ну, вот, как я и предполагала, смотри, – воскликнула Мария, – никакого грибника на фото нет. Ирина начала с первых шагов фантазировать.

– Это не она фантазировала, – вздохнул Иван, – а совесть её, хотя.., – А, ладно, Иван махнул рукой. – Устал я от всего этого.

– У вас что-то случилось? – спросил капитан.

– Случилось! – кивнул Иван. – Многое что случилось...

– Серьёзное?

– Извините, Владимир, сейчас не хочется говорить на эту тему. Нужно ещё всё тщательно переварить.

– Да я и не настаиваю, – понимающе закивал Самойлов.

Иван закрыл фотографию и, раскрыв рот от удивления, едва не выронил из рук трубку телефона – в галерее по-

сле якобы последней фотографии в телефоне находился ещё один снимок.

– Что за чертовщина? – удивлённо воскликнул Литвинов. – Этого не может быть. После этой фотографии телефон выключился и... вернее, все наши телефоны отключились. Как сюда попала ещё одна фотография? Какое-то прямо «Очевидное-невероятное». С ума сойти! – сокрушался Иван.

– А ну, что там? Увеличь её! – потребовала Мария, и они вместе с Иваном принялись рассматривать фотографию.

Самойлов посмотрел на них и рассмеялся:

– А говорите, были просто весёленькими! Ох, ребята, лукавите вы, видимо хорошенько так повеселились в тот вечер...

– Да нет же, – Иван вскочил с бревна, заменяющего ему сиденье, – я за весь вечер выпил две рюмки рома. Вы не поверите, но я даже не почувствовал ничего. Мне это всё сразу не понравилось.

– Что именно? – пристально посмотрев на собеседника, спросил Самойлов.

– Да вся эта вакханалия с телефонами.

– А почему же не повернули назад, если сразу не понравилось? – спросил капитан.

– Так предлагал, – хмыкнул Иван. – Никто даже слушать не захотел, тем более, погода была просто изумительной.

– Ага, и полная сумка напитков.

– Да ну что вы, Владимир, заладили: «напиточки-напиточки»...

– Хорошо, допустим, я верю тебе...

– Ну, почему «допустим»? – раздражённо произнёс Иван и повторил: – Почему сразу «допустим»?

– Хорошо-хорошо! – Капитан поднял руки вверх. – Без всяких «допустим», я тебе верю. Тогда как ты объяснишь происхождение последней фотографии у тебя в телефоне? Ты же понимаешь, чтобы она там появилась, её нужно было либо снять, либо, на крайний случай, прислать тебе на телефон. Согласен?

– Согласен! – кивнул Иван.

– Ну, а теперь давай рассуждать логично, – предложил Самойлов. – Чтобы её прислать тебе, телефон должен быть включенным. Верно?

– Верно, – согласился Иван. – Хорошо, я подумаю. Может, что вспомню.

– Ваня, Ванечка, смотри, – Мария поднесла телефон к его лицу, – видишь? Это же наше первое утро, помнишь? Смотри, это вот на пенёчке сидит... Ирина. Вспомнил?

Иван долго рассматривал фотографию и, наконец, подтвердил слова Марии:

– Да, это место. Но кто мог сделать фотографию?

Лидия Гладкова позвонила Ивану Литвинову за несколько дней до похода в лес.

– Ваняша, узнал? – вместо приветствия произнесла бывшая однокурсница.

– Кто это? – спросил Иван. – Извините, не могу вспомнить.

– Ура! Ура! – закричала в трубку девушка. – Богатой буду!

– Лидка ты, что ли? – спохватился Иван.

– А вот это уже не считается! Со второго раза не считается. Не-узнал-не-узнал-не-узнал!

– Привет! Какими судьбами? – удивлённо спросил Ваняша. Так его называли в институте студенты-однокурсники. А всё началось с того, что он оказался на их курсе самым молодым студентом. Прозвище Ваняша прилипло сразу и основательно. Но парень не обижался – бабушка, наверное, с самого рождения ни разу не назвала его настоящим именем, так что ему было не привыкать к такому псевдониму. Правда, девчонкам-однокурсницам показалось мало одного прозвища, они придумали синоним – Ванятка. Так до конца учёбы Иван и проходил в Ваняшах-Ванятках.

– Слушай, – затараторила Лидия в трубку, – мы тут со своими решили повторить поход в лес. Помнишь, пять лет назад мы как-то ходили в Горный лес, ну ты тогда ещё прогулял...

– Помню, конечно, – ухмыльнулся Иван, – только я тогда не прогулял, я...

– Да ладно, Вань, это сейчас неважно, прогулял-не прогу-

лял, я пошутила. Так вот мы собираемся той же компанией поехать на этот раз в Хрустальный лес, слышал о таком?

– Слышал! – сказал Иван. – Это где-то на востоке.

– Я не знаю, восток там или запад, электричка довезёт. Веня бывал там, говорит очень красиво. Он похож на Горный лес, но ещё красивее. Да и хочется повидаться. Мы тогда после института через год встретились, и на этом всё. Ты не забыл, что в этом году пять лет, как получили дипломы? Время летит – кошмар какой-то...

– А ты думала, всю жизнь в студентах будем ходить? – пошутил Иван.

– Такие дураки мы! То школу торопились окончить, то институт... И что? Окончили! Дальше что? Ты, кстати, кем работаешь?

– Давай на эту тему потом поговорим, – уклонился от ответа Литвинов.

– Ну, ладно. Так что? Едем или опять что-то придумаешь?

– Хочется поехать! – сказал Иван. – А какого числа?

– Поступило предложение ехать в эту субботу. Во-первых, выходной, во-вторых, если что, в воскресенье можно отоспаться... Ну как?

– Хорошо! – согласился Иван. – Были кое-какие планы на субботу, но ради такого дела поменяю. А кто будет ещё, сколько человек?

– Смотри: из девчонок – я, Ирка Бахтурина и Никифорова Галя. А из парней будут Веня Роднянских, Саша Черноудин,

Вася Ковалёв и ты, в общем, нас трое и вас четверо.

– Стоп! – Иван на несколько секунд задумался. – Вспомнил: а Серёга где, Крылюк который.

– Я бы тоже хотела знать. Но ты знаешь, он, как ушёл в армию, так больше и не объявлялся. Квартиру они продали, кто-то ездил к нему домой, хотел узнать, но всё бесполезно: никто не знает ни адреса его, ни телефона. Так что Серёги не будет, гуляем всемером.

– Ввосьмером, – поправил Иван.

– Ввосьмером? – изумлённо переспросила Лида. – А восьмой-то кто?

– Я буду со своей девушкой, – сказал Иван. – Вернее, с женой.

– Вау! – воскликнула Лидия. – Вот это новость! Ты женат?

– Живём вместе, она наша ровесница, так что всё будет в тему, она у меня психолог, с людьми быстро общий язык находит ...

– Ну, и отлично! Если не ревнивая, приезжайте вместе. А то... ты же знаешь, как мы любим подурачиться.

– Нет, с этим всё нормально. No problem!

– Ты знаешь, я еле-еле твой номер нашла, у всех новые телефоны, контакты порастеряли, ужас. Ты знаешь, Галька наша замужем, а Ирка выходила, – Лидия рассмеялась, – но потом вернулась.

– Смешная шутка, – сказал Иван и добавил: – запутала ты меня совсем! Значит, Ира будет без мужа?

– Муж объелся груш, – рассмеялась Лидия, – говорю же «вернулась», они прожили с ним два месяца и разбежались.

– Да, семейная жизнь быстро всё это выправляет, – саркастически заметил Иван. – А Галя?

– Тоже одна, – говорит, муж у неё по походам не ходит. – Волков боится. А если серьёзно, в субботу будет очень занят, отпустил Гальку одну, в смысле, без него.

– Смелый мужик! – съязвил Иван.

– Галя говорит, они друг другу доверяют, – сказала Лидия и спросила: – Слушай, Вань, а ты со своей девушкой давно живёшь?

– Третий год уже, – сказал Иван.

– О! – удивилась Лида. – Солидно. Можно уже и свадьбу играть. Когда ждать приглашения?

– Лид, я пока точно не знаю, лично мне этот штамп в паспорте по барабану.

– Ты чего? А о женщине подумал?

– Да она тоже как-то не рвётся сильно замуж...

– Ага, – возразила Лида, – может, она из чувства деликатности и не настаивает, но любая девушка мечтает надеть белое свадебное платье, фату и...

– Ну, началось, – рассмеялся Иван. – Короче, мы подумаем. Пригласим обязательно, не сомневайся.

– Спасибо, – радостно сказала Лидия. – В общем, телефон у тебя мой определился? Сохрани его, в пятницу вечером созвон. В субботу часиков в восемь-девять выезжаем. Оде-

вайтесь потеплее, всё-таки сентябрь наступил. Да, ещё: покупать вскладчину ничего не будем, жарчку, воду, выпивку каждый берёт для себя на своё усмотрение.

– Договорились!

Вечером, дождавшись Марию с работы, Иван объявил:

– В субботу мы идём в поход.

– Кто это «мы»? – с удивлением спросила Мария. – И куда?

– Мы – это ты и я. А ещё мои бывшие однокашники из института. Решили таким образом отметить пятилетие окончания ВУЗа.

– И что, все будут с жёнами и мужьями? – язвительно спросила Мария.

– Нет, я один отличился.

– Ты хочешь сказать, что из вашей группы никто ещё не обзавёлся семьёй?

– Ты так говоришь, – улыбнулся Иван, – словно нам всем по сорок лет. За всю группу не знаю, но в нашей компании, вроде как Галя Никифорова замужем, но она будет сама, без мужа.

5

В субботу однокашники встретились на вокзале, долго обнимались, целовались, удивлялись переменам – кто-то похудел, кто-то напротив поправился. Веня, как показалось Ива-

ну, вытянулся, Сашка Черноудин «раскабанел», впрочем, этот всегда любил поесть – из Макдоналдса не вылезал. Васька как-то осунулся, на лицо повзрослел не по годам. Ходили слухи, что его арестовывали, но, вроде, всё обошлось – правда, ему довелось посидеть несколько месяцев в следственном изоляторе.

Девчонки Лида и Галя остались такими же – болтушками-хохотушками, хотя в их смех закралась какая-то то ли нарочитость, то ли театральность. Да и Ирина Бахтурина смеялась как-то наигранно, а глаза были печальными.

«Ирка совсем сдала. Наверное, замужество далось ей нелегко, – подумал Иван, – счастье не сложилось. А несчастье, как известно, всегда прячется в глазах».

Пять лет – срок, казалось бы, небольшой, но и он основательно меняет людей. Иной раз и за год человек может так измениться, что пройдёшь мимо него и не узнаешь.

Иван представил одноклассникам свою супругу, так он назвал её в этот раз. Ляпнул и заметил, как Мария слегка скривила рот. Иван и сам не мог объяснить, зачем он её так назвал, ведь знает же прекрасно, что она не любит это слово. «Ну, сказал бы просто – моя жена. Так нет же, нужно было выпендриться», – мысленно ругал он сам себя. Выбрав мгновение, он шепнул ей на ухо:

– Маш, прости, выскочило как-то самопроизвольно.

– Хорошо, супруг! – ехидно ответила Мария.

– Ну ладно тебе! – обнял Иван девушку. – Не обижайся.

– Ваня, ты же знаешь, психологи не умеют обижаться, – рассмеялась Мария.

– Ага, – кивнул Иван, – а то я не знаю. – Он поцеловал свою спутницу в щёку.

Веня взял с собой гитару, хотя, как кто-то подметил, с него гитарист, как с декана космонавт. Декана в эту поговорку включили из-за его чрезмерного веса и неповоротливости. Скорее всего, Роднянских и сам так считал, ибо играть, а тем более петь под гитару Вениамин решался исключительно в подпитии – все знали, на трезвую голову «музыкант» не начнёт брынчать даже под дулом автомата, стесняется. После двух-трёх стопок любого сорокоградусного напитка все стеснения улетучивались, и Веня начинал петь. Репертуар его состоял в основном из золотого коллекционного фонда радио «Шансон». Хотя голос его никак не вязался с этим жанром, что было делать? Других певцов и гитаристов в компании не было, потому коллектив с энтузиазмом аплодировал единственному артисту. Как говорится, «не стреляйте в пианиста, парень играет, как умеет».

«Разогреться» туристы начали прямо в электричке, а потому в скором времени сольный концерт Вениамина Роднянских пришлось слушать всем пассажирам вагона. Выступление увенчалось успехом – уже на третьей песне артисту стала подпевать старушка с соседней лавки. И им аплодировали уже обоим. К удивлению молодёжи, бабуля знала все песни наизусть и перед выходом компании призналась,

что очень любит, как она смешно выразилась, «шансоновые песни».

6

Лес до ряби в глазах играл многоцветьем и пьянил выбравшихся на природу людей необыкновенными терпкими запахами.

– «Уж небо осенью дышало...», – продекламировала Галя Никифорова и воскликнула: – Ребята, вы чувствуете, какой здесь воздух?

– Веня, ты прав! – сказала Лидия. – Здесь гораздо круче. Хоть бери палитру и картины пиши. Мне кажется, Левитан здесь и работал.

Прямо по курсу повисло облако в виде большого дымчатого сердца. Иван торопливо, чтобы не упустить такой необычный кадр, вынул из кармана куртки смартфон и протянул его Ирине:

– Ир, на, сказал он, – сфоткай меня на фоне это красоты.

Ирина направила объектив фотокамеры таким образом, чтобы захватить и лицо Ивана, тропинку, уходящую вглубь леса, и ту часть неба, где «нарисовалось» сердце. В тот момент, когда кнопка уже была нажата, в метрах пятидесяти из лесу вышел человек и стал переходить дорогу. Издалека трудно было определить, кто это был, мужчина или женщина, поскольку одет он был в плащ-палатку с капюшоном на

голове. В руках человек держал берестовый кузовок.

– Ну, ёлки-палки, – досадливо произнесла Ирина, – надо же было этому грибнику выпереться на дорогу, испортил всю фотографию. Мария взяла у Ирины смартфон, но не успела ничего увидеть – в этот момент телефон внезапно отключился.

– У тебя батарейка села – сказала Мария и протянула трубку Ивану.

– Не может быть, – ответил тот. – Была почти полная зарядка.

Он попытался несколько раз включить телефон – всё было тщетно. Раздались голоса:

– И у меня телефон не работает.

– Что за чертовщина? И у меня тоже.

Через несколько минут выяснилось, что отключены все телефоны. Василий нырнул в свою походную сумку, выудил из неё планшет, но и он оказался нерабочим.

– Это полная ерунда какая-то, – выпятив губу, произнёс Василий. – Он у меня всю ночь простоял на зарядке, а с утра я его ещё не включал. Что это значит.

– Мы, видимо, попали в какую-то зону электронной турбулентности. Может, тут какие-то секретные военные объекты? – предположил Вениамин. – Вы слышали, как наши армейцы отключили целый НАТОвский авианосец? Может, это из той оперы?

– Фантастика какая-то! – сказал Черноудин.

– Да и ладно! – объявил Роднянских. – Чёрт с ней, с этой связью. Отдохнём от гаджетов, от вконтактов всяких, фейсбуков, и, вообще, этих долбанных интернетов. Что ни делается, всё к лучшему. Отдохнём по-настоящему. Терпеть не могу, когда собирается компания, все сядут и как дятлы молотят в свой смартфон.

Мария обернулась к спутникам и увидела перекошенное бледное лицо Ирины Бахтуриной. Она ухватилась за куст рукой и едва не упала на землю.

– Ира, что с тобой? – подскочил к ней Иван. – Тебе плохо? – Он сбросил на землю рюкзак и, раскрыв его, вынул бутылку воды. – На выпей, тебе станет лучше. Это минералка, газированная.

Девушка сделала несколько глотков и опустилась на корточки.

– Спасибо, – тихо сказал она. – Что-то дурно стало, я на диете, со вчерашнего дня ещё крошки во рту не держала.

– Ты с ума сошла, – взволнованно произнёс Иван, – какая тебе диета?! Ты уже от ветра качаешься. Вон на Сашку посмотри, кабан – вот кому диета нужна.

Ирина натянуто улыбнулась.

– Ну, Ваняша, нашёл на ком отыграться! – понарошку возмутился Черноудин. – Хорошего человека должно быть много.

– Это кто же тебе такую оценку поставил? – подыграл ему Иван.

– Народ, скажите ему, а то он сомневается! Хороший я?

– Хороший-хороший, – улыбнулся Василий Ковалёв и добавил: – Только толстый.

– И этот туда же! – развёл руками Черноудин. – Сговорились вы, что ли? А знаете, как моя бабушка говорит? «Пока толстый похудеет, худой два раза умрёт!» Вот так!

– Да ладно тебе! – Василий похлопал однокашника по плечу. – Мы же шутим. Кушай на здоровье, кабанчик, не обращай внимания.

– Друзья! – громко обратился ко всем Вениамин. – А давайте присядем на пять минут, куснём чего-нибудь, да по рюмашке. Я тоже проголодался, утром, как мать ни старалась в меня впихнуть омлетик, не пошёл сволочь. А сейчас душа просит...

– Душа? Омлетика? – язвительно спросила Мария, и все рассмеялись.

– Нет, – замотал головой Роднянских, омлетика просит желудок, а душа... вот! – он поднял над головой початую бутылку виски. – Давайте присядем, вон смотрите, – кивнул Вениамин на обочину, – и бревно подходящее.

– Венька, – возразила Лида Гладкова, – потерпи немного. Ну, что мы тут как бомжи будем сидеть, электрички вытряхнут все мозги. Давай уже подальше отойдём, чтобы хоть железную дорогу не слышать.

В этот момент, словно в поддержку Лидиных слов, за деревьями пронзительно залилась электричка.

– И то верно! – поддержали Лидию Ирина и Галя. – Вы как считаете, парни? – обратились они за подмогой к мужской части компании.

– Лида правильно говорит, – поддержал её Василий Ковалёв. – Здесь сидеть не комильфо. Пройдёмте подальше, найдём полянку... солнечную и... позавтракаем. – Он подмигнул Вене и тот нехотя, но согласился с большинством:

– Ладно, вы правы, но с вашего позволения, промочу чуток горло, – сказал Роднянских и приложился к бутылке. Сделав два-три глотка, он добавил: – Идёмте, заодно проветримся. – Веня подошёл к Ирине и, протянув ей шоколадку, сказал: – На, съешь, полегчает.

– Спасибо, – ответила Бахтурина и через силу улыбнулась. Минут через сорок они сквозь деревья справа от просеки заметили действительно поляну. Она и впрямь оказалась солнечной, яркой и душистой. Пахло какими-то цветами и скошенной травой.

– А-а-а! – закричала Никифорова – Обожаю этот запах. Вот это место мне нравится. Тихо! – она приложила указательный палец к губам. – Прислушайтесь, кто это поёт?

– Да это воробьи, – сказал Черноудин.

– Сам ты воробей, – усмехнулась Галина. – Тихо, ребята, тихо! Прислушайтесь внимательно. Веня, ты же музыкант! Слушай... Слышите звуки флейты?

– Точно! – подтвердил Василий.

– Это чёрный дрозд, – объявила Галина.

– Галь, а ты откуда знаешь? – недоумённо спросил Ковалёв.

– У нас на даче такие живут, – ответила Галя и снова замерла. – Дрозды запели наперебой, словно участвовали в конкурсе на лучшего лесного певца. – А вот это поёт дрозд-белобровик. У него такие короткие мелодии, переходящие в щебет. Как я их люблю!

– Удивила, Галя, – вступил в разговор Иван. – Ты прямо специалист-орнитолог.

– Ну, до орнитолога мне, конечно, далеко, – смутилась Галина, – но птиц люблю, только не в клетке, а на природе. Когда вижу их в клетке, мне хочется плакать. Ведь для чего им бог дал крылья? Чтобы летать. Верно? А человек берёт и засовывает эти безобидные существа в клетку. Обидно...

– Ну, так что, – не дослушав орнитологическую лекцию своей коллеги, спросил Веня, видимо по дороге умудрившийся ещё, как минимум, раз-другой удовлетворить потребности своей души, – объявляем привал?

– Ой, Венька-Венька, по-моему, ты... смотри не перебежи, – ухмыльнулась Лидия.

– Всё нормально, не переживай, – махнул рукой Вениамин. – Давайте уже располагаться, жрать хочу, как собака.

– Пять сек, – заверила Лида, – доставайте всё, что есть.

Все принялись потрошить свои сумки и рюкзаки. Минут через десять городское выражение «накрыть поляну» приобрело другой, можно сказать, сакральный смысл. Да и «зав-

трак туриста» на импровизированном столе выглядел весьма аппетитно – по периметру появились яркие одноразовые тарелки, пластмассовые стаканчики, вилки, ложки.

– А не многовато ли на нашей поляне бутылок? – нахмурилась Мария. – Как бы нам не пришлось кого-то нести до железнодорожной платформы.

– Ну, если учесть, что две трети бутылок здесь с минералкой и всякими несерьёзными напитками, то, думаю, будет всё хорошо, наши ребята крепкие, – заявила Галина. – Справимся.

– Итак, друзья, – роль тамады взял на себя Вениамин, – первый тост предоставляется нашей новой знакомой, боевой подруге нашего любимого Ваняши.

Иван с едва заметной неприязнью взглянул на своего одноклассника. «Как был он мажором, так им и остался, – подумал Иван. – И, как всегда, до начала гулянки уже надрался».

– Да-да, поддерживаем! – загалдели девушки. – Мария, за тебя. Ты не стесняйся, здесь все свои. Мы всегда гуляли весело.

– Спасибо, вам, ребята! – ответила Мария и добавила: – Наверное, все студенты гуляют весело.

– Это да! – закивал Черноудов, пережёвывая кусок колбасы. – Но есть такие зануды, что...

– Давайте сегодня только о хорошем! – предложила Ирина Бахтурина. – Мария, за тебя.

В течение часа тосты прозвучали в честь всех участни-

ков турпохода, про дроздов внезапно все забыли, на поляне блистал главный «дрозд» из рода человеческого – Вениамин Роднянских. Как всегда, доблистался до разрыва струны, после чего ещё некоторое время побрынчал и, отложив гитару в сторону, объявил:

– Всё, «кина не будет»! Концерт отменяется в виду поломки инструмента.

– Форс-мажор! – сказал Иван.

Веня покосился на Литвинова, усмехнулся, но промолчал.

Под конец лесного банкета все дали обещание в обязательном порядке присутствовать на свадьбе Ивана и Марии и, опережая события, стали дружно орать «горько!». Будущие молодожёны не стали противиться, поцеловались, поблагодарили и предложили собираться в обратную дорогу.

– Погоди, Машуля, – Вениамин уже счёл возможным к подруге однокашника обращаться именно так, конечно же, считая это проявлением не какой-то там надуманной фамильярности, а (с его слов) сердечного и безмерного уважения. – Одну минуту, дорогая! Мы русские люди, а любая пья... то есть любой, так сказать... отдых, банкет... пусть даже и в лесу, должен заканчиваться непременно «посошком». Верно, товарищи?

Компания поддержала призыв, и все дружно подняли пластмассовые «бокалы».

– На посошок! – крикнул Веня.

– На посошок! – хором повторили его сотоварищи.

Дождавшись, когда стихнет последний тост и опустеют бокалы, Мария поднялась:

– Всё, друзья, – сказал она, – нам нужно идти, иначе темнота настигнет нас в лесу.

– Не боись, Маша, – пытаюсь подняться с земли, сказал Веня, – электричка ходит до часу ночи...

– До неё ещё нужно добраться, – усмехнулась Мария.

– Да куда мы денемся! – раздухарился Вениамин. – Мы, если надо, и по звёздам её.. эту...как её... электричку найдём. Где у нас тут Большая медведица? – он задрал голову к небу и принялся искать полярную звезду. Но звёзд на небе ещё не было. Сгущались облака и становилось пасмурно.

В целом, по мнению всей компании, день получился великолепным, атмосфера была превосходной, всё шло как по маслу. Ничто не предвещало беды.

7

Беда, как и водится, пришла внезапно. День подходил к концу, на лес спускалась мгла. Ни Малой, ни Большой медведицы не было и в помине, а компания, совершив несколько попыток, каждый раз возвращаясь к месту «банкета», всё никак не могла выйти к железнодорожной платформе. Каждый раз шли по той тропе, по которой вошли в лес, но каждый раз она приводила в тупик. Уже стемнело, а поиски так и не привели к положительному результату. Часы показыва-

ли девять вечера.

– Спокойно, – сказал Иван, – без паники. Давайте всё по порядку. Нам нужно держаться всем вместе и для начала вернуться на нашу поляну.

– Опять обратно в лес? – испуганно воскликнул Веня. – Да ты с ума сошёл!

– А ты сейчас где? – язвительно спросил Иван. – По Арбату гуляешь?

– Ну, не по Арбату, но... всё же где-то тут недалеко железная дорога.

– А как ты это определил? Ты слышишь шум электричек?

– Нет, – почему-то шёпотом ответил Веня.

– Ну, так тогда откуда ты знаешь, что мы находимся недалеко от железной дороги? – раздражённо спросил Иван. – Может, мы наоборот, ещё километров десять в глубь ушли.

– Ты хочешь сказать... ты хочешь.., – в голосе Вениамина послышались страх и отчаяние.

– То, что я хотел сказать, я сказал, – твёрдо произнёс Иван. – Идём снова на нашу поляну.

– Ваня, – всхлипнула Лида, – а зачем нам наша поляна?

– Мы там оставили воду и еду, – заметил Иван, – неизвестно, сколько мы тут пробудем. Вы разве не видите, что мы заблудились?

– Заблудились? – вскрикнула Галина.

– Нет, Галя, мы просто гуляем по ночному лесу, – сказал Иван и добавил: – так, друзья, теперь внимание сюда, все

успокоились, взяли себя в руки. Никакой самодеятельности, слушать меня внимательно, и, если не хотите беды, выполнять все мои указания беспрекословно.

– Ты чего, Ваняша, сбрендил? Я никуда с тобой не пойду. Я иду на платформу. Я здесь уже бывал не раз и знаю этот лес.

– Стоп! – перебил его Иван. – Запомни, Веня, всегда теряются и чаще всего гибнут не те, кто не знает леса, а наоборот, те, кто уверен, что знает его.

– Да, Ваняша, я знаю...

– А теперь, раз знаешь, закрой рот, – перебил Иван, – и слушай меня внимательно. «Ваняша» остался там, в городе. Ясно? У нас у всех большая проблема. Для того чтобы выжить в лесу нам понадобится думать на несколько ходов вперед. Кто не желает идти со мной, – обратился он к присутствующим, – можете идти с Веней. Но повторяю: мы должны держаться вместе, и только так сможем спастись. Хотя у каждого есть выбор. Определяйтесь! На размышление даю пять минут.

8

Вене Роднянских хватило и одной минуты, чтобы сообразить: Иван прав. В лесу, среди ночи разбиваться на несколько групп – это равносильно самоубийству. Все двинулись за Иваном. Через два часа они вернулись на свою поляну.

К сожалению компании, тут кто-то уже основательно похозяйничал. Все пакеты были разорваны, еды никакой не наблюдалось, одно лишь порадовало – остались нетронутыми несколько бутылок с питьевой водой.

– Ну, и на этом спасибо, – сказал Иван. – Теперь собираем сучья, ветки, шишки, кору. Всё, что сможете поднять с земли и всё, что горит, тащите сюда. Складываем здесь, – он указал на место рядом с их «обеденным столом», – нужно заготовить как можно больше дров.

Из веток и покрывала, на котором ещё днём туристы провозглашали тосты, Иван соорудил защитный парус для костра и принялся очищать место для разведения огня.

– Мы должны принять меры для предупреждения пожара, – пояснил он. – Готовим постели, сгребаем листья и на них укладываем хвойные лапы, то есть ветки.

– Это обязательно? – спросила Лидия.

– Желательно, – пояснил Иван, – это для того, чтобы ночью не замёрзнуть. Погодите, я сейчас разведу небольшой костёрчик, чтобы было видно, и начнём готовиться ко сну. Он начал разводить огонь из еловых шишек, высохших хвойных иголок и берёзовой коры.

– Ещё нести дрова? – спросила из темноты одна из девушек.

– Конечно, – кивнул Иван и добавил: – ребята, дров понадобится очень много, нам нужно продержаться до утра. Никого не хочу пугать, но здесь, пока нас не было, думаю, по-

бывали волки или шакалы, что ещё хуже. Огонь нужно будет поддерживать всю ночь.

– Волки? – замерла Галина. – А они на нас не нападут?

– Почему же не нападут? – Усмехнулся Иван. – Конечно, нападут, они же тоже есть хотят...

– Ваня, – с ужасом в голосе вскрикнула Галя, – я серьёзно спрашиваю!

– А я серьёзно отвечаю, – сказал Иван, – если мы не примем мер безопасности. Волки, как и все дикие звери, боятся огня, – пояснил Иван, – именно поэтому мы должны заготовить дров как можно больше. Девчонки, кто замёрз, сидите у костра, грейтесь. Мужики, за работу! Никто нам здесь ничего на блюдечке не принесёт. Хотим остаться в живых, работаем не покладая рук.

Никто даже намёком не пытался подвергнуть сомнению внезапно и так явно образовавшееся лидерство Ваняши. В его словах, жестах, поступках и даже во взгляде чувствовалась уверенность и неоспоримая правота. Хладнокровие и спокойствие всех членов группы заставили молча подчиниться теперь уже руководителю группы. Маша в этой ситуации повела себя самым правильным образом – никакого панибратства и показной близости с лидером. Не обсуждая распоряжения и не задавая лишних вопросов, она первой направилась собирать дрова для ночного костра. Иван мысленно оценил её поддержку, так необходимую в этой непростой ситуации.

Через час рядом с костром образовалась приличная куча дров, но Иван не успокаивался.

– Очень хорошо, ребята, но этого всё равно будет маловато...

– Вот этого маловато? – удивлённо спросил Вениамин и обвёл кучу рукой. – Да тут, мне кажется, на две ночи хватит.

– Когда кажется, креститься надо, – усмехнулся Иван. – Тонкие ветки, они как порох. Это не дрова, так... пшик. Максимум, два-три часа и ничего не останется. А нам нужно продержаться до рассвета. Так что давайте ещё поработаем, выберем дежурного и поспим немного. Потом дадим поспать дежурному, утром на всякий случай подышим и – в путь.

– Что значит, подышим? – спросила Лида. – В смысле покурим? Так ты же не куришь!

– Ну, ты даёшь, Лида! – рассмеялся Иван. – А кто у нас в компании курит?

– Я, ответил Василий.

– И я, – отозвалась Ирина.

– Нет, друзья, речь не о табаке, – пояснил Иван. – Сейчас ночь, а с утра наверняка нас начнут искать. Так вот костёр наш утром нужно будет превратить в так называемую дымовую шашку. Добавим сухих веток, потом прикроем всё это листьями и сосновыми, еловыми лапами, чтобы побольше было дыма.

– А зачем нам дым? – удивилась Галина. – От комаров, что ли?

– От дроздов! – съехидничал Иван.

– Галя, ну чтобы спасатели увидели дым и поскорее нашли нас, – догадалась Ирина и, обращаясь к Ивану, спросила: – Правильно я говорю, Ваняг... Иван?

– Правильно! – кивнул ей Иван. – Начинаешь врубаться.

Кинули жребий среди мужиков. Первым дежурить выпало Черноудин.

– Вечно мне не везёт, – бурчал он.

– Это ещё почему не везёт-то? – нахмурившись, спросил Иван. – Охранять спокойствие друзей – ты считаешь это невезением?

– Да нет, – растерянно сказал Черноудов, – я другое имел в виду.

– Что другое? – наседал Иван.

– Я всё понял, извини, Вань, ляпнул, не подумавши...

– Ладно, проехали. Друзья, прошу без лишних волнений.

Мы находимся не в сибирской тайге, да и сентябрь – это, слава богу, не февраль, завтра либо сами выберемся, либо нас обнаружат какие-то специальные службы. Родственники там уже наверняка такой шум подняли, что нас, наверное, по федеральным каналам показывают – телефоны-то не работают. Так что всё будет хорошо! Найдёмся, куда мы денемся. И вот важная инфа: постель выкладываем из листьев, а сверху на них кладём хвойные ветки, – продолжал Иван. – Смотрите сколько здесь этого добра, не жалейте. Лес на такие перины щедр. – Иван нарочно старался говорить бодро,

весело, иными словами так, как будто сон в ночном лесу был заранее предусмотрен программой турпохода. – Укутывайтесь потеплее, девчонки, располагайтесь ближе к огню. Но ложимся параллельно костру. Ни головой к нему, ни ногами, а именно параллельно. Ночью вы будете ворочаться и греть то перед, то... кхм... спину. – Обращаясь к дневальному, командир добавил: – Александр, смотри не подведи! На дежурстве спать запрещено, следы, чтобы на одежду, на голову никому не упали искры. Меня разбудишь через три часа, я тебя подменю, засеки время. Ложимся вокруг костра, и всем спать, бережём силы для завтрашнего дня.

Компания принялась сооружать «перины» и укладывать-ся. Иван предложил Маше лечь поближе к костру, а сам, прижался к её спине. Прежде чем уснуть, он прошептал:

– Не волнуйся, любимая, мы справимся...

– Я не сомневаюсь, Ванечка, – так же шёпотом ответила Мария, – только ты тоже поспи, дорогой, я чувствую, завтра будет у нас очень сложный день.

– Одного не могу понять, Маш, как мы заблудились? Я точно знаю, что мы возвращались по той самой тропе, по которой пришли в лес. Но почему она нас на обратном пути завела в какие-то дебри?

– Давай поспим, завтра разберёмся, – предложила Маша, – как старики раньше говорили, утро вечера мудренее.

– Давай, – согласился Иван и, прижавшись посильнее к Марии коротко добавил: – сплю!

Ирина Бахтурина долго ворочалась, постанывала, несколько раз поднимала голову и рассматривала часового. Тот даже подошёл к ней и тихо спросил:

– Ты чего не спишь? Замёрзла?

– Нет, у меня куртка тёплая, – ответила она, – просто не спится. Страшно!

– Ну, чего тебе бояться? – Александр наклонился к девушке и погладил её по голове. – Видишь, я дежурю. Спи, давай, не волнуйся. Завтра будем дома.

– Да дай-то бог! – тяжело вздохнула Ирина и положила голову на руку.

Через некоторое время Черноудин заметил, что девушка уснула.

«Ну, слава богу, – мысленно произнёс он, – все спят. Это хорошо, без сна искать дорогу будет очень сложно. Итак сегодня очень устали, да и подкрепиться нечем, завтра, может, ягод найдём...».

Ирина сквозь сон услышала приближающие шаги. Она открыла глаза и прямо перед собой увидела сапоги. «Сашка? – промелькнуло у неё в голове. – Почему он стоит возле меня? Или я ещё не успела уснуть?». И вдруг она вспомнила, что Черноудин был в светло-коричневых ботинках. «Он, что, переобулся, что ли? – мысленно спросила она. – Но

зачем? Стоп! Но это невозможно...». В голове завертелись какие-то путаные мысли. Ирина медленно стала поднимать глаза вверх и вдруг она увидела перед собой наклонившегося мужчину в плащ-палатке с накинутым капюшоном. Ночной гость протягивал ей обнажённого младенца. Ребёнок был бледен чуть ли не до прозрачности. Он бился в судорогах, ловил ртом воздух и пытался кричать, но не мог выдавить из себя ни звука. Вдруг младенец посинел и стал задыхаться...

Над поляной раздался пронзительный, полный ужаса и отчаяния, истошный крик. Черноудин от неожиданности едва не свалился с бревна. Первое, что он увидел, это была Ирина Бахтурина – она резко вскочила на ноги и, показывая рукой в темноту, вся тряслась и пыталась сквозь рыдания что-то произнести.

– Ира, что случилось? – Обнимая, стали успокаивать проснувшиеся подружки.

– Это был он! Это был он! – билась в истерике Бахтурина. – Я ещё вчера его узнала. Он здесь, он.. он пошёл туда... С ребёнком. Здесь он! Он не мог далеко уйти, – она упала на колени и, закрыв лицо руками, стала выть – не кричать, а выть, словно волчица.

– Не трогайте её! – приказал Иван. – Отойдите от неё, пусть выкричится. У неё истерика, сейчас пройдёт, видимо, что-то страшное приснилось, бывает. Не тревожьте её, давайте пока обойдёмся без вопросов, без расспросов.

Ирина действительно через несколько минут перестала

рыдать, уселась прямо на землю, обхватила колени руками, пытаясь остановить дрожь в теле, и окинула взглядом своих друзей.

– Простите меня, ребят, – тихо сказал она. – Не знаю, что это было, то ли сон, то ли... Пожалуйста, простите.

Мария подошла к девушке и, присев рядом с ней, обняла её.

– Ирина, – сказала Маша, тебе не за что извиняться. – Это может случиться с каждым. – Любому человеку может присниться страшный сон.

Девушка молча кивала, время от времени всхлипывая, затем сказала:

– Это меня вчерашний грибник напугал, помните он нам дорогу перешёл, когда мы только вошли в лес.

– Он приснился? – испуганно спросила Галина. – И что он тебе сказал?

– Да ничего он не говорил. А, ладно! – махнула рукой Ирина. – Ещё раз прошу вас: простите.

– Успокойся, мы все рядом, если ещё раз придёт твой грибник, ты только свистни, мы ему таких люлей подвалим, – пошутил Иван, и все рассмеялись.

Ирина, шмыгнув носом, тоже улыбнулась.

– Ну, вот, умница, – подбодрила её Мария. – Всё будет хорошо! Не переживай. Ты же не одна здесь.

– Спасибо, ребята, большое спасибо, – несколько раз повторила Ирина. – Да вы ложитесь спать. А я с Сашкой поде-

журю... Вань, можно? – она вдруг вспомнила, что у них теперь есть начальник, и улыбнулась.

– Ты как, Сань, не возражаешь против подкрепления? – подмигнул Иван Черноудину.

– Я-то не возражаю, – ответил часовой и, обратившись к Ирине добавил: – Ир, тебе всё-таки нужно было бы немного поспать.

– Да бог с ним, со сном, – махнула она рукой, – я всё равно теперь не усну.

10

После такой невероятной и неожиданной встряски уснуть смог только Вениамин Роднянских, да и то, после того, как до конца опустошил из латунной фляжки свой неприкосновенный запас виски.

Василий, услышав храп товарища, язвительно заметил:

– Говорил, фляжка – только для исключительных случаев. Ага, «исключительный случай», вылакал весь вискарь и храпит тут теперь.

– Не завидуй, – тихо сказала Лида.

– Да я не завидую, – ухмыльнулся Василий, – просто смешно. Я у него спрашивал: а какой-такой исключительный случай может быть?

– И? Что он назвал? – спросила Галина.

– Ну, говорит, если вдруг где-то замерзать буду, или рану

какую получу...

– Значит, замёрз, – сказала Лидия.

– Ага, – хихикнув, кивнул Василий, – и рану... душевную рану получил.

– Друзья, – раздался голос Ивана, – предлагаю всё-таки малёхо поспать. Надеюсь, грибник больше ни к кому не придёт.

Под утро Иван сменил Черноудина, тот уже валился с ног. Упав на заранее подготовленное место, он мгновенно уснул.

– Ложись, Ирин, – предложил Иван, – не мучайся. Ложись на моё место к Маше. А я буду рядом с вами. Поспи...

– Спасибо, Вань, но, честное слово, я не смогу. Перенести такой стресс, я чуть с ума не сошла. Тут не сплю, и то боюсь. Не-не-не... дома отосплюсь.

– Смотри сама, – согласился Иван, – надеюсь, завтра дорогу быстро найдём.

– А мне кажется, мы не в ту сторону шли! – вдруг заявила Ирина.

– Не может этого быть, – возразил Иван. – Я точно помню, откуда мы пришли, но...

– Я думаю, тот грибник, который тебе, с твоих слов, фотографию испортил, не случайно тут появился, – Ирина вдруг перешла на шёпот. – Это он нам мешает попасть домой.

Иван с недоумением посмотрел на Бахтурину, почесал лоб и, подбирая нужные слова, чтобы не обидеть девушку, спросил:

– Тебе плохо?

– Вань, только не думай, что я сошла с ума, – продолжая говорить шёпотом, сказала Ирина. – Нет! Поверь мне на слово. Этот грибник где-то здесь неподалёку. И он ещё навестит нас.

– Я же сказал, что выхватит...

– А ты не переводи в шутку, – сказала Ирина, – здесь всё более чем серьёзно. Пока просто поверь мне.

Иван догадался, что девушка от страха немного стала заговариваться, и потому не стал с ней спорить.

– Хорошо, Ирина, я тебе верю, – ответил Иван, – но что он нам может сделать? Сама посуди: ты крикнула, и он тут же убежал в лес. Верно? Какой вывод? Он труслив и ничего плохого нам не сделает. Правильно?

– Я не знаю, – вздохнула Ирина. – Наверное, не сделает. Но на душе всё равно не спокойно. – Она, пододвинувшись ближе к костру, легла и свернулась калачиком.

– Не волнуйся, – успокоил её Иван и шутливо добавил: – нас тут четверо мужиков, неужели мы не защитим своих дам?

Вдруг он заметил, что Ирина уснула. Он аккуратно сел на бревно и стал наблюдать за девушкой. Та вздрагивала во сне и что-то бормотала.

«Бедная женщина, страху натерпелась, но ничего, поспит, и всё пройдёт», – улыбнувшись, подумал Иван. Небо начало светлеть, птицы уже готовились к своим лесным кон-

церам. Иван мысленно рассмеялся своей внезапно родившейся в голове шутке: «Может, когда-то на телевидении организуют новое шоу «Голос. Птицы». Вот будет потеха, если в конкурсе победит какой-нибудь деревенский петух...».

11

Ирина Бахтурина родилась в небольшом посёлке городского типа, что на Юге России. С детства маленькая Ира, Иришка, как называли её соседи, стеснялась своих родителей, они часто и подолгу ссорились. Маленькой Ире даже иногда приходилось укрываться от разбушевавшегося отца у соседей.

Говорили, что раньше Людмила Бахтурина, (в девичестве Панкратова), мама Ирины, была очень красивой девушкой, не проходило ни одной дискотеки, или как раньше говорили, танцев, чтобы из-за Люси кто-то не подрался, все пацаны мечтали с ней потанцевать медленный танец. Жители посёлка очень удивились, когда красавица Людмила Панкратова объявила, что выходит замуж за Пашку Бахтурина. Во-первых, он был намного старше, а во-вторых, Павел был уже три раза женат, и все жёны сбегали от него, как от чумы. Скандальный мужик, грубый, ревнивый, хамоватый. Правда, то ли он одумался на некоторое время, то ли действительно по-настоящему влюбился в Люсю, но первые три года, готов был носить её на руках. В посёлке даже стали поговаривать, что

Пашка Бахтурин, мол, остепенился, примерным семьянином стал.

Но с рождением дочери Ирины всё резко изменилось. Ирина часто болела – люди даже стали поговаривать, что третья жена Ивана навела на ребёнка с матерью порчу, дескать, позавидовала семейному счастью. Навела порчу и приговорила мужика, ибо жители посёлка стали замечать, что Павел частенько нырял к бывшей супружнице в гости, а та с радостью его принимала.

Бахтурин так увлёкся обмыванием новорожденной, что даже проморгал приезд домой жены с ребёнком. Проснулся утром, сел на кровати и долго соображал, затем громко спросил:

– Люська, ты что ли?

– А у тебя, что, тут кто-то ещё кроме меня бывает? – ехидно спросила Людмила.

Павел, не долго думая, размахнулся и со всей силы ударил жену по лицу:

– Говори, сука, да не заговаривайся! – прорычал Павел и замахнулся ещё раз.

– Что же ты делаешь, сволочь? – закричала Людмила и громко зарыдала.

В соседней комнате заплакала дочь. Люся думала, что хотя бы это как-то разжалобит и остановит распоясывавшегося мужа, но тот стал ещё агрессивнее.

– Пойди хавальник ей закрой, – приказал муж, – чего она

разоралась?

– Это ты так о своей дочери отзываешься? – всхлипывая и вытирая кровь с лица, спросила Людмила.

– Это ещё бабка надвое сказала, – рассмеялся Павел. – Моя ли она дочь или нет, вот подрастёт, тогда и посмотрим, на кого будет похожа. Если на тебя, не приму.

– Это ещё почему? – отчаянно закричала Людмила. – Ты отрекаешься от ребёнка?

– Ты голос мне тут не повышай, – цыкнув, прикрикнул Павел, – а то я быстро тебе гланды подправлю, ишь расквоталась.

С этого дня в семье Бахтуриных наступила другая жизнь. Настолько другая, что Людмила даже подумывала наложить на себя руки, но так и не решилась. Да и священник местный на исповеди сказал, что добровольное лишение себя жизни, даже если человек бежит от страданий, это очень большой грех. Да так доходчиво, что Людмила раз и навсегда порвала с этой мыслью. Грех, разъяснил батюшка, отпускается церковью только при жизни и при искреннем покаянии, а самоубийца уходит, так и не раскаявшись.

Однажды Людмила поделилась своими мыслями с подружкой. Та внимательно выслушала её и, подумав несколько минут, заявила:

– Бросай ты этого идиота, ничего хорошего из этого не выйдет.

– А как же Ирочка? – всхлипнула женщина. – Безотцов-

щиной будет расти?

– А что Ирочка? – усмехнулась подруга. – Ты думаешь, с таким папой ей будет лучше? Уж пусть лучше растёт безотцовщиной, чем каждый день будет смотреть на скандалы и рукоприкладство. Я вон двоих воспитываю без мужа, и что? Старший учится на одни пятёрки, младший пока так-сяк, но училка говорит, что способный. Балую я его – младшенький, вот и ленится, ну, ничего, со второго класса я за него возьмусь. Так у меня мужики, а у тебя девка. Посмелее, подруга, собрала вещи и ушла, пусть дальше пьёт, баб водит, рано или поздно найдёт на свою задницу приключений. Не знаю, Люся, тебе, конечно, виднее, но я бы и дня не терпела. Ты понимаешь, если он раз поднял руку, всё – туши свет, так и будет бить тебя до конца жизни. Алкаши они все ревнивые. Глаза зальют, и любовники жены им мерещатся...

– Да куда же я пойду, Рая? Родительский дом давно продали, старики умерли, сестра где-то на Севере, я её уж лет пять не видела. Куда мне идти? Кто меня ждёт?

– Да хоть ко мне. Поживёшь, осмотришься, отойдёшь от побоев и скандалов, а там посмотришь. Ирке твоей скоро в школу, ещё год-два и станет тебе помогать. Девчонки быстро хозяйство осваивают. Ну, решайся.

Но Людмила не смогла переступить через себя, несла свой крест, тянула лямку, трудилась на двух работах, муж появлялся дома всё реже и реже. Последние полтора-два года она ни разу не видела его трезвым.

Рая ещё несколько раз убеждала её уйти от мужа, а потом махнула рукой: «Да ну тебя, дурёха, терпи, раз такая нерешительная...». Но вопрос решил сам собой. Однажды Павел Бахтурин на шабашке упал с крыши, отбил себе всё нутро, месяц провалялся в больнице и умер. Грех, конечно, но Люся перекрестилась и прошептала: «Слава тебе, Господи!».

Ирина и впрямь, повзрослев, стала помогать матери по хозяйству – и кур накормит, и козу подоит, и поесть приготовит.

– Моя ты умница, – обнимет мама дочку и гладит её, – ты учись, моя дорогая, хорошо учись, окончишь школу, поступишь в институт, потом станешь большим начальником, как, например, Валентина Матвиенко... Видела её по телевизору?

Ирина, смущаясь, пожимала плечами и сильнее прижималась к матери.

– Она такая женщина, – продолжала Людмила, – знаменитая, её даже президент к себе приглашает, советуется. А ведь тоже когда-то была такой маленькой девочкой, как ты. Выучилась и стала большой начальницей. Что там у тебя в школе? Давно дневник не смотрела. Ты же хоть меня не подводи. Старайся.

– Я стараюсь, мама, – улыбалась дочь, – очень стараюсь.

– Молодчинка моя, – нахваливала мама.

– Можно спросить? – нерешительно произнесла Ирина.

– Да, конечно, спрашивай! – воскликнула Людмила.

– Мам, – замялась дочь, – а...

– Да говори, не стесняйся!

– А папы у нас больше не будет? – спросила Ирина и опустила глаза.

– Так он же умер! – растеряно ответила Людмила.

– А Томка, моя подружка, говорит, что её мама нашла другого папу. Он хороший, добрый, подарки ей дарит. Может, и ты поищешь, а?

В глазах Людмилы заблестели слёзы.

– Ты плачешь, мамочка? – Ирина обняла маму и поцеловала. – Не плачь! Ну, если не хочешь, не ищи, – она тоже заплакала и, всхлипывая, продолжила: – Я согласна и без папы с тобой жить. Я тебя очень-преочень люблю, мамочка!

– Спасибо, доченька, – у обеих слёзы потекли ручьём, – я тоже тебя очень люблю.

Новый папа нашёлся неожиданно. Однажды весной Людмила возвращалась из райцентра на автобусе. Она заметила, что водитель поглядывает на неё через зеркало заднего вида. Когда прибыли на конечную остановку, шофёр, видя в руках Людмилы две неподъёмные сумки, вышел из кабины, обогнул автобус и вошёл в салон.

– Люся, ты, что ли? – спросил он. – Не узнаёшь?

– Что-то не припомню, – смутилась женщина.

– Григорий! – протянул он руку для приветствия. – Гриша я Барсуков. Вспомнила?

Услышав фамилию, Людмила сразу вспомнила парня из

параллельного 10-а класса. Высокий, стройный, выглядел всегда безукоризненно, ходил в школу в строгом костюме и непременно в галстуке. Наверное, не было в школе девчонки, не мечтавшей о таком кавалере. А Гриша тайно любил Людмилу. Даже учителя говорили о них: вот была бы идеальная пара. Но Григорий так и не решился объясниться в любви, потом ушёл в армию, где-то там далеко остался работать, и вот, спустя много лет, снова появился в посёлке.

– Ой, Гриша, – радостно всплеснула руками Людмила. – Какими судьбами? Стой, ты же... Ты что, переехал к нам? Я слышала ты где-то в Сибири жил, это правда?

– Почему переехал? – улыбнулся Барсуков и поправил: – Вернулся! Здесь мой дом, родня. Надоело шататься.

– Так ты к родителям вернулся? А семья?

– Холостякую я, уже два года, – грустно сказал он, – не сложилось что-то.

– Бывает! – вздохнула Людмила.

– Ну, а ты как? Замужем?

– Была, – ответила Людмила.

– Развелась?

– Нет, похоронила.

– Извини, не знал, мои соболезнования...

– Спасибо. Ну, что долго мы будем здесь стоять?

– Слушай, и ты это собралась тащить на руках? – Григорий кивнул на сумки.

– Да я привычная! – усмехнулась Людмила. – Доташу.

– Нет-нет! – замахал руками Григорий. – Присаживайся, я подвезу. Где твой дом?

Через десять минут Людмила угощала одношкольника чаем со смородиновым вареньем, приговаривая:

– Это мы с Иришкой сами варили. Сами вырастили и сами сварили. Вкусно?

– Потрясающе, – нахваливал гость варенье.

Ирина сидела на диване и сбоку рассматривала дядю Гришу. Барсуков обратился к ней:

– Ира, сколько тебе лет?

– Одиннадцать... скоро будет.

Григорий улыбнулся, вспомнив как в детстве так же всегда называл не настоящий возраст а будущий, рассуждая, мол, если день рождения прошёл, считай, что уже тебе не десять, а одиннадцать... «скоро исполнится».

«Как же мы торопились стать взрослыми, – мысленно произнёс Григорий, – и с каким бы удовольствием сейчас вернулись в школу. Да что там школа, я и в армии готов снова два года отслужить. Ничего там сложного нет, золотая пора. Ну, вначале да, было немного трудновато, а потом...».

– Ещё подлить? – прервала мысли гостя Людмила.

– Спасибо, Люсь, спасибо, – он взглянул на часы, – мне нужно ехать, обед окончен, расписание.

– А что ж я тебя и не покормила, – запричитала хозяйка, – вот дура, нашла, чем угощать, человек на обед приехал, а я его чаем...

– Да ладно тебе, мне полезно, – Григорий похлопал себя по животу. – Смотри, на пельменях в Сибири какое пузо накусал. Пора на диету.

– Ой, не смешил бы ты, – рассмеялась Людмила, – тоже мне, пузо нашёл.

– Спасибо вам, дорогие хозяева, – он встал и направился к выходу.

– Да не за что, ты уж извини, Гриш, что...

– Да всё нормально, Люда, не кори себя. Я примерно так и обедаю...

– Слушай, а приезжай к нам вечером, – перебила гостя Люся, – у нас всё есть для полноценного ужина. Ты так и не сказал, живёшь-то где, у родителей?

– В нашем доме, – тихо произнёс Григорий. – А родители умерли. Отец раньше, а мать месяц как похоронил. Решил никуда больше не уезжать.

– Жаль, очень жаль, – сказала Людмила. – В общем, ждём мы тебя вечером в гости. Приходи, поболтаем, вспомним детство, так сказать, золотое.

Вечерние посиделки и воспоминания закончились тем, что у Ирины появился новый папа, хотя папой она так и не смога его назвать. Сначала Барсуков даже раздражался, когда слышал от падчерицы «дядя Гриша», но постепенно привык и смирился.

Григорий недолго работал на автобусе, спустя полгода пересел на бетоновоз, стал неплохо зарабатывать, да плюс ша-

башка. Людмила была на седьмом небе, когда муж предложил им с дочерью летом поехать в Сочи. Две недели пролетели как один миг, в сентябре, прочитав сочинение ученицы Бахтуриной на тему «Как я провела лето», учительница литературы очень удивилась. В ту осень сочинение Ирины заняло первое место, и его даже отправили на областной конкурс. Тогда же у девчонки появилась мечта учиться в ВУЗе на филологическом факультете.

Мечта, в конце концов, сбылась. Но прежде чем мечта стала явью, девочке пришлось пройти трудный и даже страшный путь.

Григорий Барсуков, как позже выяснилось, не случайно стал холостяком, он признался Людмиле, что там, в Сибири, загудел за решётку на шесть лет, так получилось, что отбыл наказание от звонка до звонка, а пока сидел, жена развелась, вышла замуж и уехала с мужем и детьми за границу.

Людмила спокойно приняла информацию, кого сейчас удивишь судимостью, лишь только спросила:

– За что?

– За глупость, – усмехнулся Григорий, – за несусветную глупость. И жадность.

– По тебе вроде и не скажешь? – улыбнулась Людмила. – На жадного не похож.

– Это точно! – согласился Григорий. – Но тут жадность другого порядка, хотел сразу и много заработать. Товарищ подбил. Я тогда работал дальнобойщиком на КАМАЗе, мо-

тался по Красноярскому краю, Иркутской области. И однажды приятель спрашивает у меня: «Гриня, хочешь хорошие бабки рубануть?». А кто откажется? Мы иногда с оказией возили левые грузы. Ну, так – мелкая шабашка. А тут речь всё-таки о хороших деньгах идёт. Спрашиваю: что за работа? Он отвечает: да пакет небольшой нужно перевезти в Иркутск. Я сразу догадался, что речь пойдёт о наркоте, хотел отказаться, но приятель заверил, что это на сто процентов безопасно, а когда зарплату назвал, тут я и согласился. Мне столько и за год было не заработать. В Иркутск-то привёз, а там при передаче и накрыли. Мне ещё повезло, прокурор просил десятку, но суд учёл раскаяние, семья, дети и всё такое. В общем, впяли шесть лет. Пришлось все оттарабанить...

– А разве там досрочного освобождения не бывает? – удивлённо спросила Людмила.

– Бывает, – кивнул Григорий, – да не всё так просто.

– У нас на работе парнишка грузчиком устроился, недавно освободился, в магазин с друзьями залезли, сторожа скрутили и всю выручку упёрли, – сказала Людмила, – говорит, дали пять лет, через три года освободили по этому, как его...

– УДО, – подсказал Григорий и добавил: – условно досрочное освобождение.

– Да, точно, – закивала Людмила. – А ты почему по УДО не ушёл?

Барсуков рассмеялся:

– Ты так говоришь, словно там захотел по УДО, собрал

вещички и ушёл. Нет, Люся, это всё сложно очень.

– Ну, вот же тебе пример...

– Да, таких примеров много, – подтвердил Григорий, – но иногда обстоятельства складываются так, что не получается. То одно, то другое...

Видя, что эта тема не очень приятна мужу, Людмила махнула рукой и свернула разговор:

– Ну, и бог с ним, с этим удо-мудо, главное ты дома, а всё, что было осталось там, в прошлом.

По вечерам, после работы, Григорий всё чаще и чаще стал выпивать. Людмила сначала осторожно намекала, затем стала требовать прекратить ежевечерние употребления, начались скандалы.

– Ты чего, за алкаша меня принимаешь? – возмутился Григорий.

– Врачи в передаче о здоровье говорят, что, если человек выпивает каждую неделю хотя бы раз, то он уже алкоголик, – сказал Людмила.

– Ну, тогда у нас вся страна состоит из алкоголиков, – рассмеялся Григорий, налил очередную рюмку и, подняв её высоко над головой, сказал: – за тебя, моя любовь!

– Лучше бы ты за свою любовь, стакан кефира или молока выпил, – грустно сказала Людмила. – Гриш, честное слово, надоело уже.

Григорий опрокинул рюмку в рот и, занюхав её хлебом, зло спросил:

– Значит всё? Надоел я тебе?

– Не ты, а водка твоя! – парировала Людмила. – Не перекладывай мои слова.

– Вот ты скажи мне, Люсь, – заплетающим языком сказал Григорий, – ты говоришь, что Рва... Эти, как их... Вра... врачи говорят, что я ал... ну, этот... алкоголик. Правильно?

– Я с ними согласна, – кивнула Людмила. – Ты разве сам не видишь, как спиваешься? Ну, ладно, по выходным там рюмочку-две пропустить, но ведь ты каждый день...

– Стоп! – крикнул Григорий. – Молчать! А теперь скажи мне, французы, итальянцы, тоже все алкоголики?

– Я там не жила, не знаю. – ответила Людмила.

– А я тебе скажу, – Григорий поднял указательный палец вверх, используя жест всех алкоголиков-философов, – дорогая. Итальянцы и французы выпивают свои вонючие вина каждый день.

– Я сомневаюсь, что они вонючие, – усмехнулась женщина, – это раз, а второе, они пьют вино максимум бокал-два, да и то водой разбавляют, я по телевизору видела. А теперь взгляни на свою «пахучую» водку. Ты уже пол-литра допиваешь. Ну, куда это годится?

Беда, как обычно, пришла внезапно. Да и не могла она не прийти, коли в жизнь вмешалась водка. С работы Григория попросили, посчитав, что машину ему больше доверять нельзя, он устроился разнорабочим на стройку, но дело шло к тому, что выпрут его и оттуда.

В очередной раз, беседуя со стеклянной подружкой по имени «Столичная», Григорий заметил через окно, как Ирина, поправляя юбку и смахивая с неё траву, вышла из сарая, где у них хранилось сено, вслед за ней вышел парень.

«Во негодяи, – пронеслось в голове у отчима, – среди бела дня по сараям шастают! Ну, и молодёжь пошла...»

– Вы что там делали? – строго спросил Григорий, вошедшую в дом Ирину.

– Где? – удивлённо спросила Ирина.

– В сарае! – гаркнул отчим.

– Целовались, – хмыкнула Ирина. – Нельзя?

– В пятнадцать лет шараться с хахалем по сараям, – заорал Григорий. – Ты в своём уме, дочка?

– Дядя Гриша, вы опять перебрали? Может, хватит уже бухать? Мать по ночам не спит, плачет, а вы...

– Ты что, сыкуха, – перебил отчим падчерицу, – будешь меня жизни учить?

Ирина села напротив отчима, закинула ногу за ногу и, улыбаясь, стала смотреть на него в упор. Голая ляжка, мелькнувшие между ног розовые трусики привели к непредсказуемым последствиям – у дяди Гриши перехватило дыхание, что говорится, спёрло в зобу. Он подошёл вплотную к девушке и положил руки ей на плечи. Ирина равнодушно взирала на отчима, не чуя подвоха, а когда сообразила, что происходит, было уже поздно. Мужчина прижал её лицо к паху и рванул на ней платье, увидев вывалившуюся грудь, не обременённую

нённую бюстгальтером, Григорий впал в животную ярость, он повалил девчонку на пол, разорвал на ней трусы, коленом раздвинул ноги, и, освободив своего, готового взорваться похотливого зверёныша, вонзил его падчерице между ног. Ирина не ожидала такого поворота, испытав дикую боль во влагалище, она вскрикнула и потеряла сознание. Григорий опустошился в тот же миг. Залив спермой её живот, платье, грудь, он, тяжело дыша, поднялся с пола и только теперь сообразил, что случилось страшное и непоправимое. Хмель мгновенно улетучилась, он смотрел на падчерицу, на её пушистый холмик внизу живота, на капли крови, упавшие на ковёр и судорожно «отматывал плёнку назад».

Ирина открыла глаза и простонала. Григорий упал на колени и наклонился над ней:

– Иришка, милая, Ирочка, прости меня дурака, прости, я не знал, что ты... что ты девственница. Умоляю тебя, прости меня, Я сам не понял, как это произошло, пожалуйста, прости меня.

Девушка, сидя на полу, плакала навзрыд.

– Успокойся, родная. Только успокойся, пойдём в ванную, прости меня, ради бога прости, я не хотел...

Ирина с отвращением оттолкнула его от себя и, поднявшись с пола, ушла в ванную, прежде чем войти туда, обернувшись, она сказала:

– Ну чего развылся, как баба? Убирай, скоро мама придёт. Пока падчерица приводила себя в порядок, отчим суетли-

во занялся уборкой. Через десять минут, на ковре не осталось и следа от только что совершённого мерзкого преступления.

Мать вернулась через час, и сразу заметила заплаканное лицо дочери.

– Что случилось, дочь? – спросила она.

– С парнем поругалась, – соврала Ирина и исподлобья взглянула на отчима. Тот вздрогнул и с облегчением вздохнул. Но падчерица не собиралась его прощать, жажда мести переполняла её сердце.

– Люся, – тихо сказал Григорий, – я принял решение больше не прикасаться к рюмке.

– Вы бы лучше, дядя Гриша, к водке не прикасались, – с усмешкой произнесла Ирина.

– Ира, что за тон? – удивилась мать. – Ты как со старшими разговариваешь?

– А как я должна разговаривать? – Ирина с отвращением взглянула на отчима, мать уловила её взгляд.

– Что у вас тут произошло? – повысив голос, спросила Людмила.

– Да так, – наигранно рассмеялась Ирина, – немного потрахались с дядей Гришей.

Одному богу известно, что уберегло от обморока Людмилу. Она почувствовала, как теряет сознание, но всё же удержалась от падения.

– Ира! – протяжно воскликнула она и, переведя взгляд на

Григория, заметила в его глазах животный страх.

– Простите меня, Ира, Люда, умоляю вас, простите меня, пожалуйста, – взмолился Григорий. – Бес попутал, сам не могу понять, как это случилось, какое-то затмение нашло.

Людмила встала, подошла к мужу и, влепив ему звонкую пощёчину, закричала:

– Сволочь, чтоб ты сдох, скотина, она же девственница, куда ты полез, идиот? Что ты натворил, козёл? Алкаш, зачем я только связалась с тобой. – Она кинулась к дочери: – Доченька, милая, что он с тобой сделал?

Ирина, прижавшись к матери, как в детстве, расплакалась.

– Одевайся, спустя пять минут, приказала дочери Людмила, идём в милицию!

– Девочки, – Григорий кинулся на колени перед ними, – умоляю вас, простите, пожалуйста, не берите грех на душу, мне впаяют десятку не меньше, пощадите.

– Я бы тебе скоту не на десятку, а пожизненно туда отправила бы.

– Мам, – сказал Ирина, – может, ну его на фиг? Что-то мне не очень хочется идти в эту милицию.

– Скажите, девчонки, чем загладить свою вину? Я всё сделаю! Честное слово, ну дайте мне шанс, не отправляйте в тюрьму. Пожалуйста.

– Уйди с глаз долой, – стиснув зубы, сказала Людмила. – Не хочу тебя видеть.

Оставшись наедине с дочерью, мать сказала:

– Так что будем делать?

– Я не знаю, мама, принимай решение сама. Твой муж, как решишь, так и будет. Я думаю, это всё водка виновата. Если бы он был трезвый, он не напал бы на меня. Да и всё это случилось так внезапно, что я сама ничего не поняла. Очнулась, лежу на полу, вся в крови и его... Тьфу, – сплюнула Ирина и брезгливо повела плечами, – какая мерзость! В общем, решай сама, – девушка махнула рукой, – пойду, полежу, что-то мне дурно и голова болит.

– Конечно, такой стресс, – она обняла дочь и погладила её по голове, – вот скот, что учудил.

Для Барсукова эта поганая история закончилась благополучно. Ирина сделал вид, что ничего не случилось, мать побухтела-побухтела и не стала раздувать конфликт. Через некоторое время у них с дочерью состоялся разговор:

– Иришка, – заискивающе начала мать, – ты не обижайся, но я решила не выгонять этого негодяя. Ты как, не против? Пусть уже остаётся, ты скоро окончишь школу и уедешь, а мне тут одной будет тяжело. Не обидишься на меня?

– Ну, что ты, мама, – пожав плечами, сказал Ирина, – тут решать только тебе. Раз так решила, оставайся с ним, тем более, ты видишь, он слово держит, бросил пить.

– Надолго ли? – усмехнулась мать. – Но посмотрим. Расстаться ведь никогда не поздно. А вот нового мужика найти – это проблема.

Ирина изобразила равнодушие, и, хотя сама отказалась

идти в милицию, всё же где-то в глубине души у девушки затаилась обида не только на отчима, но и на мать. Она твёрдо была уверена, случись с её дочерью такое, она бы непременно и в милицию заявила, и с таким мужем навсегда осталась бы. Любовь любовью, а есть грань, которую ни при каких обстоятельствах нельзя переходить.

«У взрослых с этими гранями всегда какие-то сложности, – мысленно рассуждала она, – это что-то из той серии, когда нельзя, но сильно хочется, то можно забить на мораль, на нравственность, договориться с совестью. Только вот как с ней договариваться? Совесть вроде притихает, соглашается с человеком, не тревожит его, а потом вдруг так разойдётся, хоть волком вой. И не обманешь её, рот ей не закроешь. Как же всё это сложно! Писатели, поэты, философы много-много лет, веками, тысячелетиями бьются над этими вопросами, а ничего не меняется...».

В семнадцать лет Ирина поступила в институт, её мечта сбылась. Жила она в общежитии, вечерами подрабатывала репетиторством. Иными словами, всё шло относительно хорошо.

Однажды ранней осенью на последнем курсе в самом начале нового учебного года одногруппники пригласили Ирину совершить однодневный поход в Горный лес. Бахтурина с удовольствием приняла приглашение.

Утром следующего дня, незадачливые туристы, как и было запланировано, соорудили громадную дымовую шашку, позавтракали скромными остатками вчерашнего провианта – в рюкзаках нашлись коробка конфет, полпалки колбасы, немного хлеба, пряники – и отправились в путь. Но как они ни старались выйти из леса, ничего не получилось. Иван задействовал все свои навыки, знания и опыт нахождения в лесу, внимательно рассматривал, каким образом растёт мох под деревьями, цвет коры на берёзах и соснах, заметив на небе птиц, наблюдал за их поведением и в какую сторону те летят, изучил попавшийся на глаза муравейник, но всё было тщетно.

– Ничего не понимаю, – отойдя в сторону от компании, делился он с Марией, – такое впечатление, что мы ходим всё время по кругу, точнее по какой-то спирали. Неужели этот хрустальный лес такой большой? Что за чертовщина? И почему нет ни одного вертолёта, ни самолёта? Нас, что, никто не ищет? Как будто заколдованные.

– Я тоже об этом думаю, – ответила Маша. – Даже не верится. Я абсолютно уверена, что мои родители сходят там с ума и всё, что можно, уже давно обзвонили. Я же сказал им, что мы едем на один день, вечером будем дома и по приезду домой обещала позвонить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.